

На правах рукописи

Симоненко Андрей Александрович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ЗАВЕДОМО НЕЗАКОННОМУ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ**

Специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»

Научный руководитель: **Ображиев Константин Викторович**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра уголовного права, профессор

Андрианов Владимир Константинович
кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», центр исследования проблем правосудия, старший научный сотрудник

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»**

Защита состоится 12 декабря 2019 г. в 14 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 170.001.02 при Университете прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15, ауд. 501.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Университета прокуратуры Российской Федерации: <http://www.agprf.org>.

С электронной версией автореферата можно ознакомиться на сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации: <http://vak.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан 8 октября 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.В. Буланова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется потребностью в совершенствовании существующих и разработке новых уголовно-правовых средств защиты личности от незаконного уголовного преследования, которое попирает основополагающие принципы правосудия, подрывает доверие к системе уголовной юстиции, грубо нарушает фундаментальные права человека и гражданина.

В настоящее время эта проблема рассматривается обществом и компетентными государственными органами в основном через призму защиты прав предпринимателей, пострадавших от «заказного» уголовного преследования. Причем ситуация в этой сфере приобрела такой характер, что на нее был вынужден реагировать Президент Российской Федерации в своих посланиях, адресованных Федеральному Собранию Российской Федерации в 2015¹ и 2019 гг.² Обозначенный контекст (защита предпринимателей от «заказного» уголовного преследования) закономерным образом определяет вектор и содержание законодательных инициатив, исходящих от предпринимательского сообщества, общественных и государственных институтов, занимающихся его поддержкой.

Полностью разделяя озабоченность представителей бизнеса и власти проблемой незаконного уголовного преследования предпринимателей, нельзя не отметить, что эта проблема касается не только бизнесменов, но и иных лиц, не имеющих отношения к предпринимательской деятельности. К сожалению, от подобных действий фактически не застрахован никто, ведь, как показывает практика, лицо может быть подвергнуто незаконному уголовному преследованию из-за того, что следователь или дознаватель испытывает к нему личную неприязнь, желает выслужиться перед начальством, избежать дисциплинарного взыскания, скрыть ранее допущенную правоприменительную ошибку, не хочет «портить» статистические показатели и т.п.

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. // СПС «Консультант Плюс».

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 г. // СПС «Консультант Плюс».

Приоритетными мерами борьбы с подобными действиями являются прокурорский надзор, ведомственный и судебный контроль. Вместе с тем, учитывая высочайшую общественную опасность заведомо незаконного уголовного преследования, очевидно, что противодействовать соответствующим деяниям без использования мер уголовно-правового характера невозможно. В связи с этим вполне закономерным выглядит тот факт, что все известные в настоящее время законопроекты, направленные на защиту предпринимателей и иных лиц от «заказного» уголовного преследования, предполагают корректировку уголовного законодательства.

Потребность в этом действительно существует, так как имеющиеся уголовно-правовые средства противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию весьма далеки от совершенства. Они отличаются несогласованностью (как между собой, так и с уголовно-процессуальным законодательством), фрагментарной специализацией, недостаточной определенностью, непродуманной дифференциацией уголовной ответственности и другими дефектами. Дополнительно усугубляют ситуацию высокая латентность рассматриваемых деяний, порожденная корпоративной солидарностью органов уголовной юстиции; нерешенные правоприменительные проблемы, возникающие при юридической оценке различных проявлений заведомо незаконного уголовного преследования; отсутствие устоявшейся правоприменительной практики.

В этих условиях рассчитывать на высокую эффективность уголовно-правовых средств противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию не приходится, что подтверждается статистическими показателями их применения и экспертными оценками. Достаточно отметить, что с 2010 по 2018 г. зарегистрировано всего 36 преступлений, предусмотренных ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а в суд направлены уголовные дела лишь по 21 преступлению, что явно не соответствует реальным масштабам заведомо незаконного уголовного преследования.

На этом фоне диссертационное исследование, нацеленное на разработку теоретических основ совершенствования уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию, приобретает повышенную актуальность.

Степень научной разработанности уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию нельзя признать достаточной. Внимание этим проблемам, безусловно, уделялось, но их исследование в основном проводилось в рамках анализа преступлений, предусмотренных ч. 1–2 ст. 299 УК РФ (диссертационные исследования Н.А. Будякова, А.Г. Лебедева), либо в контексте общих уголовно-правовых исследований преступлений против правосудия (работы С.Э. Асликяна, Э.Ф. Байсалугеевой, А.В. Бриллиантова, А.В. Галаховой, И.В. Дворянскова, Н.Р. Емеевой, Е.М. Зацепиной, И.Н. Кабашного, Н.Р. Косевича, А.П. Кузнецова, Ю.И. Кулешова, Л.В. Лобановой, К.Л. Чайки и др.).

Признавая значимость этих научных трудов, нельзя не отметить, что они не в полной мере удовлетворяют потребность в системном осмыслении проблем уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию. Это связано с тем, что заведомо незаконное уголовное преследование не охватывается лишь специальными нормами о преступлениях против правосудия, содержащимися в ст. 299 УК РФ. Многие проявления заведомо незаконного уголовного преследования (например, заведомо незаконное уведомление о подозрении в совершении преступления, утверждение прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) в отношении заведомо невиновного лица, поддержание государственного обвинения при наличии императивных оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования) могут быть квалифицированы только на основании общих уголовно-правовых норм об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ). Соответственно, чтобы комплексно исследовать проблемы уголовной ответственности за заведомо незаконное уголовное преследование, необходимо выйти за границы главы 31 УК РФ.

Отмеченные обстоятельства определяют направления дальнейшего научного поиска и дополнительно актуализируют потребность в исследовании поставленных проблем.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в рамках уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию.

В качестве **предмета** диссертационного исследования выступают: заведомо незаконное уголовное преследование и его проявления; уголовно-правовые средства и практика противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию; проблемы уголовно-правовой оценки заведомо незаконного уголовного преследования.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в разрешении теоретических и прикладных проблем, связанных с установлением, дифференциацией и реализацией уголовной ответственности за заведомо незаконное уголовное преследование, а также в разработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию существующих и конструированию новых уголовно-правовых средств противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию.

Для достижения указанной цели поставлены следующие исследовательские задачи:

– определить основные направления современной уголовной политики в сфере противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию и оценить их с точки зрения принципов уголовного права и социально-криминологической обоснованности;

– исследовать уголовно-правовые средства противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию на предмет их достаточности и эффективности;

– изучить уголовно-правовую норму об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ), выявить законодательные просчеты, допущенные при ее конструировании, оценить перспективы практического применения этой новеллы;

– выявить проблемы, возникающие при толковании и применении уголовно-правовой нормы об ответственности за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1–2 ст. 299 УК РФ), предложить их научно обоснованное решение;

– установить значение общих норм об ответственности за должностные преступления (ст. 285, 286 УК РФ) в плане уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию;

- разработать предложения по оптимизации практики уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию;
- определить перспективные направления совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за заведомо незаконное уголовное преследование.

Методологической основой диссертационного исследования выступают: универсальные принципы и требования диалектического метода познания (объективности и всесторонности рассмотрения объекта познания, всеобщей связи явлений, историзма, системности и др.); общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация, описание, моделирование) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, социологический) методы исследования.

Нормативную базу исследования составили: Конституция Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, УК РФ, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), иные нормативные правовые акты, имеющие отношение к теме исследования.

Теоретическую основу исследования образуют положения доктрины российского уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области криминологии, международного права, теории права и государства, уголовно-процессуального права, истории государства и права, социологии.

В качестве **эмпирической базы исследования** выступают данные, полученные в процессе анализа и обобщения: статистических сведений (сводные отчеты о преступности в России по форме Ф. 491 за 2010–2018 гг.; сводные отчеты о результатах надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства по форме НСиД за 2016–2018 гг.; сводные отчеты о реабилитации лиц в порядке, установленном главой 18 УПК РФ по форме Р за 2016–2018 гг.); материалов 27 уголовных дел о преступлениях, связанных с заведомо незаконным уголовным преследованием; практики Верховного Суда Российской Федерации, относящейся к теме исследования; информационно-аналитических материалов о состоянии законности и правопорядка, о работе органов прокуратуры, подготовленных Университетом прокуратуры Российской Федерации в 2014–2018 гг.; докладных записок прокуратур субъектов Российской Федерации; результатов анкетирования 255 экспертов (95 прокуроров,

45 судей, 36 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 39 следователей органов внутренних дел Российской Федерации, 40 дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации), проведенного в 2017–2018 гг. При подготовке исследования использован личный опыт прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, полученный в процессе работы в органах прокуратуры.

Научная новизна диссертации определяется постановкой ряда теоретических проблем, многие из которых находились за рамками уголовно-правовых исследований, а также содержанием предложенных подходов к их разрешению.

В диссертации установлены факторы, снижающие эффективность уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию; уточнено содержание признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 299 УК РФ, и разработаны частные правила квалификации этих преступлений; выявлены законодательные просчеты, допущенные при конструировании ст. 299 УК РФ; сформулированы предложения по оптимизации практики уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию; определены перспективные направления совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за заведомо незаконное уголовное преследование; разработана доктринальная модель нормативной регламентации уголовной ответственности за заведомо незаконное уголовное преследование; предложено скорректировать современную уголовную политику в сфере противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Уголовно-политическая цель снижения уровня репрессивного давления на бизнес реализуется посредством создания особого привилегированного уголовно-процессуального и уголовно-правового режима для предпринимателей. Подобная уголовная политика вызывает принципиальное несогласие, поскольку: а) в ней явно прослеживаются идеи сословного покровительства, элементы «классового» уголовного права, которые несовместимы с фундаментальным принципом равенства; б) социальные предпосылки для усиления ответственности за незаконное уголовное преследование предпринимателей и концентрации правоохранительных усилий на борьбе с подобной практикой отсутствуют. Данные специальных исследований, результаты опроса сотрудников право-

охранительных органов и обобщения правоприменительной практики показывают, что чаще всего незаконному уголовному преследованию подвергаются лица с низким уровнем дохода, которые не обладают необходимыми ресурсами (квалифицированная юридическая помощь, связи и др.) для эффективной защиты.

Исходя из этого, реализуемый уголовно-политический курс требует корректировки. От незаконного уголовного преследования должны быть в равной степени защищены все лица, вне зависимости от их социального статуса, что требует соответствующей переориентации законодательных и правоприменительных усилий.

2. Эффективность уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию снижают законодательные просчеты, допущенные при конструировании специальных норм, предусматривающих ответственность за незаконное уголовное преследование (ст. 299 УК РФ). Их специализация осуществлена фрагментарно и непоследовательно, в результате чего:

– возникают необъяснимые различия в уголовно-правовой оценке сходных по своей общественной опасности преступных проявлений незаконного уголовного преследования, что не соответствует правилам дифференциации уголовной ответственности и принципу справедливости;

– у значительной части правоприменителей складывается ошибочное впечатление, что уголовно-наказуемыми являются только те проявления незаконного уголовного преследования, которые предусмотрены специальными нормами. Таким образом, фрагментарная специализация блокирует действие общих норм об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и ст. 286 УК РФ), что резко ограничивает возможности уголовно-правового противодействия незаконному уголовному преследованию.

3. Причины низкой эффективности уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию нельзя сводить исключительно к несовершенству уголовного законодательства. Несмотря на технико-юридическую дефектность специальных уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 299 УК РФ, все проявления заведомо незаконного уголовного преследования «перекрываются» общими нормами об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ). Следовательно, фундаментальные

причины низкой эффективности уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию находятся в правоприменительной плоскости.

4. В результате анализа ч. 3 ст. 299 УК РФ, введенной Федеральным законом от 19 декабря 2016 г. № 436-ФЗ, выявлены следующие законодательные просчеты, допущенные при ее конструировании: указанное в ч. 3 ст. 299 УК РФ общественно опасное последствие в виде прекращения предпринимательской деятельности отличается высоким уровнем неопределенности; ч. 3 ст. 299 УК РФ является пробельной, поскольку не охватывает последствие в виде прекращения участия в предпринимательской деятельности; признать незаконное возбуждение уголовного дела причиной наступления указанных в ч. 3 ст. 299 УК РФ последствий невозможно, что полностью блокирует применение рассматриваемой уголовно-правовой нормы; обязательные признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 299 УК РФ (специальная цель воспрепятствовать предпринимательской деятельности потерпевшего либо мотив корыстной или иной личной заинтересованности), доказать крайне проблематично. Перечисленные законодательные просчеты сделали ч. 3 ст. 299 УК РФ «мертворожденной». Можно прогнозировать, что применяться она на практике не будет.

5. Анализ ч. 1–2 ст. 299 УК РФ и практики их применения позволил сформулировать частные правила квалификации указанного преступления:

– привлечение лица к уголовной ответственности за менее тяжкое преступление с целью освобождения виновного от уголовной ответственности за фактически совершенное им более тяжкое преступное деяние не образует состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, а требует квалификации по ст. 300 УК РФ;

– преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 299 УК РФ, юридически окончено с момента принятия процессуального решения об обвинении заведомо невиновного лица, зафиксированного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном акте или обвинительном постановлении. Предъявление обвинения (ознакомление лица с процессуальным актом, в котором сформулировано обвинение) находится за рамками объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ;

– составленные дознавателем обвинительный акт или обвинительное постановление порождают уголовно-процессуальные последствия только после их утверждения начальником органа дознания, что следует учитывать при установлении юридического окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ.

6. В сферу применения ст. 285 и 286 УК РФ попадают те проявления заведомо незаконного уголовного преследования, которые не предусмотрены ст. 299 УК РФ. К ним, в частности, относятся заведомо незаконные: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица при отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 299 УК РФ; уведомление о подозрении в совершении преступления; привлечение к уголовной ответственности лица, подлежащего обязательному освобождению от уголовной ответственности; утверждение прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) в отношении невиновного лица либо лица, подлежащего обязательному освобождению от уголовной ответственности, и направление уголовного дела в суд; поддержание государственного обвинения при наличии императивных оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования (например, при заведомом отсутствии состава преступления в действиях подсудимого). Таким образом, в плане уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию общие нормы об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ) потенциально имеют намного более широкую сферу применения, чем специальные нормы, сформулированные в ст. 299 УК РФ.

7. Практика применения уголовно-правовых норм, образующих юридическую основу уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию, имеет значительный потенциал для совершенствования. Она может быть оптимизирована посредством:

– регламентации в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 и от 15 ноября 2016 г. № 48 правил квалификации заведомо незаконного уголовного преследования по общим и специальным уголовно-правовым нормам (предлагаемые изменения изложены в основном тексте диссертации и автореферата);

– более активного применения института соучастия в преступлении, что позволит привлекать к уголовной ответственности по ст. 285, 286, 299 УК РФ всех лиц, причастных к заведомо незаконному уголовному преследованию, и тем самым реализовать требования принципов полноты квалификации преступлений и неотвратимости уголовной ответственности;

– реализации ряда законодательных и организационно-управленческих мер. В частности, предлагается: включить в приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 и от 26 января 2017 г. № 33 предписания о том, что в случае выявления признаков заведомо незаконного уголовного преследования прокуроры обязаны направлять материалы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 299, 285 или 286 УК РФ; наделить прокурора правом возбуждать уголовные дела о преступлениях, совершенных должностными лицами органов предварительного расследования; ориентировать суды на необходимость вынесения частного определения или постановления на основании ч. 4 ст. 29 УПК РФ во всех случаях выявления признаков заведомо незаконного уголовного преследования.

8. Для эффективного уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию необходимо сочетание общих и специальной норм, их согласованная система. Причем баланс в этой системе должен быть смещен в сторону специальной нормы, посредством которой необходимо максимально полно охватить все проявления заведомо незаконного уголовного преследования. Что же касается общих уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, то они должны выполнять функции «запасных» норм – срабатывать при совершении общественно опасных деяний, которые по тем или иным причинам остались не охваченными соответствующей специальной нормой. Подобная законодательная регламентация позволит воспользоваться всеми преимуществами специальных норм, обеспечив при этом за счет общих норм беспробельное уголовно-правовое регулирование.

9. С учетом научно обоснованных правил законодательной техники в сфере уголовного нормотворчества сформулированы предложения по конструированию специальной нормы об ответственности за заведомо незаконное уголовное преследование:

– соответствующую норму предлагается создать на базе существующей ст. 299 УК РФ, расширив сферу ее действия таким образом, чтобы предусмотреть в ней ответственность за все проявления заведомо незаконного уголовного преследования, в том числе и те, которые в настоящее время находятся в сфере применения общих норм об ответственности за должностные преступления;

– чтобы обеспечить требуемый уровень правовой определенности уголовно-правового запрета и наполнить признаки состава преступления конкретным содержанием, предлагается сконструировать в ч. 1 ст. 299 УК РФ описательную диспозицию с бланкетными признаками, включив в нее перечень конкретных проявлений заведомо незаконного преследования и уточнив признак «незаконности» уголовного преследования;

– с учетом характера и степени общественной опасности заведомо незаконного уголовного преследования предлагается: состав соответствующего преступления сконструировать по типу формального; не включать в систему обязательных признаков состава мотивы и цели преступления. Заведомо незаконное уголовное преследование требует уголовно-правового реагирования без установления дополнительных криминообразующих признаков в виде последствий и вне зависимости от целеполагания и мотивации виновного;

– поскольку в практике высшей судебной инстанции незаконное уголовное преследование расценивается как тяжкое последствие превышения должностных полномочий, в качестве отправной точки для пенализации заведомо незаконного уголовного преследования должна стать санкция ч. 3 ст. 286 УК РФ. При этом пределы уголовно-правовой санкции за заведомо незаконное уголовное преследование должны быть довольно широкими, так как проектируемая норма должна охватывать весьма обширную сферу альтернативных деяний – начиная от заведомо незаконного возбуждения уголовного дела и заканчивая заведомо незаконным поддержанием государственного обвинения в отношении невиновного лица.

С учетом обобщения вышеизложенных соображений для теоретического обсуждения и возможной законодательной реализации предложен доктринальный проект уголовно-правовой нормы об ответственности за заведомо незаконное преследование (предлагаемые изменения изложены в основном тексте диссертации и автореферата).

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты обогащают юридическую науку, развивают и углубляют доктринальные представления об уголовно-правовом противодействии заведомо незаконному уголовному преследованию, вносят вклад в развитие учения о преступлениях против правосудия и должностных преступлениях, создают теоретическую основу для совершенствования уголовного законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Практическое значение диссертационного исследования выражается в том, что оно создает основу для разрешения сложных правоприменительных проблем, возникающих при уголовно-правовой оценке различных проявлений заведомо незаконного уголовного преследования. Результаты исследования могут быть использованы: для совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации; в праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации; для квалификации преступлений, связанных с незаконным уголовным преследованием; в учебном процессе высших учебных заведений; в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Практическая значимость диссертационного исследования подтверждается **апробацией его результатов** посредством:

– их публикации в 12 научных работах (из них 6 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России);

– обсуждения основных положений и выводов диссертации на 6 научно-практических форумах: четвертой Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (г. Москва, 27 ноября 2016 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная ответственность и наказание», посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова (г. Рязань, 17 февраля 2017 г.); научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых» (г. Москва, 26 мая 2017 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы» (г. Симфе-

рополь, 23 июня 2017 г.); на 2 заседаниях круглого стола «Проблемы обеспечения законности и практика прокурорского надзора» (г. Москва, 22 марта 2017 г. и 30 марта 2018 г.);

– их внедрения в практическую деятельность прокуратуры Воронежской области, а также в учебный процесс юридического факультета Университета прокуратуры Российской Федерации.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется использованием апробированных методов научного познания, которые адекватны поставленным задачам и обеспечивают всесторонность и объективность исследования, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой, на которой основывалось исследование. Теоретические выводы диссертации построены на новых и проверяемых данных, которые согласуются с иными опубликованными работами по теме диссертации.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, а также спецификой его предмета. Диссертация состоит из введения, 3 глав, объединяющих 7 параграфов, заключения, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цели и задачи, характеризуются эмпирическая, нормативная и теоретическая основы диссертации, излагаются положения, выносимые на защиту, определяется их теоретическая и практическая значимость.

Первая глава диссертации **«Уголовно-политические и социально-правовые предпосылки уголовной ответственности за заведомо незаконное уголовное преследование»** состоит из двух параграфов.

В параграфе 1.1. **«Современная уголовная политика в сфере противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию»** отмечается, что одним из приоритетных направлений современной российской уголовной политики является снижение уровня уголовно-правового давления на бизнес. В рамках реализуемого уголовно-политического курса просматриваются два взаимосвязанных и дополняющих друг друга направления: конструирование привилегированных уголовно-процессуальных и уголовно-правовых норм для

предпринимателей, совершивших экономическое преступление; защита предпринимателей от незаконного уголовного преследования.

Цель снижения уровня репрессивного давления на бизнес достигается посредством создания особого привилегированного уголовно-процессуального и уголовно-правового режима для предпринимателей. Подобная уголовная политика вызывает принципиальное несогласие, поскольку:

– в ней явно прослеживаются идеи «сословного покровительства», элементы «классового» уголовного права, которые не совместимы с фундаментальным принципом равенства, положенным в основу современного российского права. В российском праве фактически сформировались две модели уголовной юстиции – элитарная (для предпринимателей) и ординарная (для «обычных» граждан, не обладающих предпринимательским статусом). Элитарная модель позволяет обеспечить представителям бизнеса режим «наибольшего благоприятствования», который распространяется как на предпринимателей, совершивших экономические преступления, так и на предпринимателей, пострадавших от незаконного уголовного преследования;

– социальные предпосылки для усиления ответственности за незаконное уголовное преследование предпринимателей и концентрации правоохранительных усилий на борьбе с подобной практикой отсутствуют. Риск привлечения к уголовной ответственности для предпринимателей намного меньше, чем для иных лиц, что подтверждается данными специальных исследований, результатами опроса сотрудников правоохранительных органов и изучения правоприменительной практики. Чаще всего незаконному уголовному преследованию подвергаются лица с низким уровнем дохода, которые обычно не обладают необходимыми ресурсами (квалифицированная юридическая помощь, связи и др.) для эффективной защиты.

В работе отмечается, что реализуемый уголовно-политический курс требует существенной корректировки. В основу уголовной политики в сфере противодействия незаконному уголовному преследованию должны быть положены следующие идеи:

– ее содержание должно определяться с учетом принципиальных идей равенства, которые предполагают установление равных гарантий от незаконного уголовного преследования. От незаконного уголовного преследования долж-

ны быть в равной степени защищены все лица, вне зависимости от их социального статуса, что требует соответствующей переориентации законодательных и правоприменительных усилий;

– минимизировать практику незаконного уголовного преследования невозможно без изменений институционального характера, направленных на обеспечение подлинной независимости судебной власти, процессуальной самостоятельности должностных лиц органов предварительного расследования, повышение эффективности ведомственного процессуального контроля, а также прокурорского надзора за следствием и дознанием;

– для сокращения масштабов незаконного уголовного преследования необходимо кардинально изменить существующую систему оценки деятельности правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование, поскольку она создает отрицательные стимулы для прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям, формирует у дознавателей и следователей установку на то, что возбужденное уголовное дело должно быть обязательно направлено в суд;

– в основу эффективной уголовной политики в рассматриваемой сфере должен быть положен принцип неотвратимости ответственности за преступные проявления незаконного уголовного преследования.

В параграфе 1.2. **«Уголовно-правовые средства противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию: общая характеристика и проблемы эффективности»** отмечается, что незаконное уголовное преследование является наиболее опасным нарушением прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Однако, несмотря на активное использование этого понятия в уголовно-политическом дискурсе, юридической науке и практике, содержание незаконного уголовного преследования четко не определено, что представляется недопустимым, особенно с учетом современных уголовно-политических установок. Взаимосвязанные предписания пп. 34 и 35 ст. 5 и ч. 2 ст. 133 УПК РФ приводят к выводу, что уголовное преследование признается незаконным и (или) необоснованным, если оно осуществлялось (альтернативно): в отсутствие материально-правовых оснований для уголовного преследования, в качестве которых выступает совершение деяния, содержащего признаки состава преступления; при наличии процессуальных препятствий для

уголовного преследования.

Незаконное уголовное преследование необоснованно ограничивает права и свободы подозреваемого и обвиняемого, подрывает доверие к органам предварительного расследования и прокуратуре, их авторитет, посягает на основополагающие принципы правосудия, может повлечь иные негативные социальные последствия. Поэтому реакция государства на незаконное уголовное преследование не может ограничиться лишь устранением допущенных процессуальных нарушений и восстановлением прав участников уголовного судопроизводства. Не отрицая несомненную значимость компенсаторных механизмов (отмена незаконных и необоснованных процессуальных решений, реабилитация лиц, подвергнутых незаконному уголовному преследованию), нужно признать, что противодействие незаконному уголовному преследованию не может обойтись без уголовной репрессии в отношении должностных лиц, принимавших не соответствующие закону процессуальные решения.

Нормативную основу уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию образуют:

– специальные уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность: а) за незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба (ч. 3 ст. 299 УК РФ); б) за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1–2 ст. 299 УК РФ);

– общие уголовно-правовые нормы об ответственности за должностные преступления (ст. 285, 286 УК РФ), которые позволяют квалифицировать иные проявления заведомо незаконного уголовного преследования (например, утверждение прокурором обвинительного заключения в отношении заведомо невиновного лица и направление уголовного дела в суд, поддержание государственного обвинения в отношении лица, в чьих действиях заведомо отсутствует состав преступления).

Эффективность уголовно-правовых средств противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию невелика, что подтверждается экс-

пертными оценками³, данными о результатах прокурорского надзора за следствием и дознанием, а также статистическими сведениями о реабилитации, которые показывают, что факты незаконного уголовного преследования исчисляются десятками тысяч.

Эффективность уголовно-правовых средств противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию снижают законодательные просчеты, допущенные при конструировании специальных уголовно-правовых норм (ст. 299 УК РФ). Специализация уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное уголовное преследование, осуществлена фрагментарно и непоследовательно, что порождает ряд негативных последствий. Во-первых, возникают необъяснимые различия в уголовно-правовой оценке сходных по своей общественной опасности преступных проявлений незаконного уголовного преследования, что явно не соответствует правилам дифференциации уголовной ответственности и принципу справедливости. Во-вторых, в результате столь непоследовательной нормативной регламентации у значительной части правоприменителей складывается ошибочное впечатление, что уголовно-наказуемыми являются только те проявления незаконного уголовного преследования, которые предусмотрены специальными нормами. Таким образом, фрагментарная специализация блокирует действие общих норм об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ), что резко ограничивает возможности уголовно-правового противодействия незаконному уголовному преследованию.

Причины низкой эффективности уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию нельзя сводить исключительно к несовершенству уголовного законодательства. Несмотря на очевидную дефектность специальных уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 299 УК РФ, все проявления заведомо незаконного уголовного преследования «перекрываются» общими нормами об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ). Поэтому о пробельности уголовного законодательства в этом случае говорить не приходится. Следовательно, фундаментальные причины низкой эффективности уголовно-правовых средств противо-

³ Большинство опрошенных экспертов оценивают эффективность уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию как низкую (53,7 %) или недостаточную (32,5 %).

действия заведомо незаконному уголовному преследованию находятся в правоприменительной плоскости. Это подтверждает большинство (74,1 %) опрошенных экспертов.

Отечественная система уголовной юстиции не заинтересована в том, чтобы виновные в преступных проявлениях незаконного уголовного преследования понесли уголовную ответственность. Руководствуясь ложно понятыми интересами службы, корпоративной солидарностью, желанием избежать ответственности за слабый процессуальный контроль или скрыть свою непосредственную причастность к преступным действиям, руководители следственных органов, подразделений и органов дознания стараются не предавать огласке факты совершения их подчиненными должностных преступлений, связанных с незаконным уголовным преследованием. А следователи Следственного комитета Российской Федерации, к подследственности которых относятся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 285, 286, 299 УК РФ, крайне неохотно возбуждают подобные дела в отношении своих коллег. В свою очередь, прокуроры, надзирающие за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, как правило, ограничиваются отменой заведомо незаконных процессуальных решений или требованиями об устранении нарушений уголовно-процессуального законодательства, практически не используя полномочия, предусмотренные п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Эффективность уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию дополнительно снижают следующие дефекты правоприменительной практики: ограничительное толкование специальных норм, предусмотренных ст. 299 УК РФ; неверная квалификация, в результате которой многие деяния, содержащие признаки состава преступления, не признаются преступными. Уголовная ответственность за заведомо незаконное уголовное преследование нередко подменяется дисциплинарной, что, по сути, равнозначно безнаказанности.

Вторая глава диссертации **«Уголовно-правовые нормы об ответственности за незаконное уголовное преследование и проблемы их применения»** состоит из трех параграфов.

В параграфе 2.1. **«Уголовно-правовая норма об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела»** проведен детальный анализ уголов-

но-правовой нормы, сформулированной в ч. 3 ст. 299 УК РФ, который позволил выявить следующие законодательные просчеты, допущенные при ее конструировании:

– указанное в ч. 3 ст. 299 УК РФ общественно опасное последствие в виде прекращения предпринимательской деятельности отличается высоким уровнем неопределенности: этот признак состава преступления можно трактовать в двух смысловых значениях – юридическом и фактическом; неясно, можно ли расценивать как прекращение предпринимательской деятельности частичное прекращение финансово-хозяйственных операций (скажем, по одному из нескольких направлений экономической деятельности, отраженных в учредительных документах), или же в контексте ч. 3 ст. 299 УК РФ это понятие предполагает полную остановку хозяйственной активности; остается открытым вопрос о временном периоде прекращения предпринимательской деятельности (достаточно ли для применения ч. 3 ст. 299 УК РФ констатировать временное прекращение предпринимательской деятельности, или же оно должно быть окончательным?). В условиях подобной неопределенности правоприменительным органам не остается ничего другого, как ориентироваться на второе последствие, указанное в ч. 3 ст. 299 УК РФ, в виде крупного ущерба;

– рассматриваемая уголовно-правовая норма является пробельной, поскольку не охватывает последствие в виде прекращения участия в предпринимательской деятельности (например, продажу лицом, в отношении которого незаконно возбуждено уголовное дело, своей доли в коммерческой организации, выход из коллективного органа управления коммерческой организацией). Это последствие нельзя расценивать как прекращение предпринимательской деятельности, так как в подобных случаях предпринимательская деятельность не прекращается; она продолжает осуществляться, правда, уже без участия лица, в отношении которого незаконно возбуждено уголовное дело;

– поскольку состав преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 299 УК РФ, имеет материальную законодательную конструкцию, его обязательным признаком является причинная связь между незаконным возбуждением уголовного дела и последствием (прекращением предпринимательской деятельности и (или) крупным ущербом). Однако возбуждение уголовного дела, пусть даже и незаконное, причинить указанные в ч. 3 ст. 299 УК РФ последствия не способ-

но. Предпринимательская деятельность прекращается в результате волевых действий (акта бездействия) самого предпринимателя, а не вследствие незаконного возбуждения уголовного дела. Точно также и ущерб субъекту предпринимательской деятельности причиняет не незаконное вынесение постановления о возбуждении уголовного дела как таковое, а действия третьих лиц, например, контрагентов или участников фондового рынка, которые избавляются от ценных бумаг, эмитированных юридическим лицом, попавшим в поле зрения правоохранительных органов. И именно эти волевые действия являются причиной указанных негативных последствий. Таким образом, признать незаконное возбуждение уголовного дела причиной наступления указанных в ч. 3 ст. 299 УК РФ последствий невозможно, что полностью блокирует применение рассматриваемой уголовно-правовой нормы;

– обязательные признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 299 УК РФ (специальная цель воспрепятствовать предпринимательской деятельности потерпевшего либо мотив корыстной или иной личной заинтересованности), доказать крайне проблематично. Таким образом, при конструировании ч. 3 ст. 299 УК РФ было нарушено одно из обязательных условий криминализации общественно опасных деяний – его процессуальная доказуемость.

Перечисленные законодательные просчеты, допущенные при конструировании ч. 3 ст. 299 УК РФ, сделали эту норму «мертворожденной». Можно с уверенностью прогнозировать, что она применяться на практике не будет. Подавляющее большинство (95,3 %) экспертов придерживается того же мнения.

В параграфе 2.2. **«Уголовно-правовая норма об ответственности за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности»** отмечается, что состав привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности характеризуется высоким уровнем правовой неопределенности, которая обусловлена: использованием в ч. 1 ст. 299 УК РФ простой (назывной) диспозиции, в которой не раскрываются признаки состава соответствующего преступного деяния; включением в название ст. 299 УК РФ и диспозицию ч. 1 ст. 299 УК РФ понятий, которые не имеют нормативного определения (невиновный, уголовная ответственность, привлечение к уголовной ответственности); неоднозначным доктринальным толкованием ч. 1 ст. 299 УК РФ и проти-

воречивой практикой ее применения.

В контексте ч. 1 ст. 299 УК РФ лицо должно считаться невиновным, если в его деянии отсутствует хотя бы один обязательный признак состава инкриминируемого ему преступления. При этом нужно учитывать, что признаки состава преступления могут отсутствовать в силу предписаний Общей части УК РФ (ст. 10, ч. 2 ст. 30, ст. 31, 37–42). Привлечение лица к уголовной ответственности за менее тяжкое преступление с целью освобождения виновного от уголовной ответственности за фактически совершенное им более тяжкое преступное деяние не образует состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, а требует квалификации по ст. 300 УК РФ.

Анализ взаимосвязанных положений действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства приводит к выводу, что объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, выражается в вынесении (составлении) процессуального акта, в котором сформулировано обвинение в отношении заведомо невиновного лица обвиняемым, т.е. постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта или обвинительного постановления. Предъявление обвинения (ознакомление лица с процессуальным актом, в котором сформулировано обвинение) находится за рамками объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ. Оно юридически окончено уже с момента принятия процессуального решения об обвинении заведомо невиновного лица.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством обвинительный акт и обвинительное постановление, в которых формулируется обвинение при производстве дознания в общем порядке и в сокращенной форме, должны быть утверждены начальником органа дознания (ч. 4 ст. 225, ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ). Следовательно, до того момента, пока начальник органа дознания не утвердит составленный дознавателем обвинительный акт (обвинительное постановление), этот документ не имеет юридического значения, не порождает никаких уголовно-процессуальных последствий, в связи с чем его нельзя считать процессуальным решением о признании лица в качестве обвиняемого. Что же касается постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, то этот процессуальный акт не требует утверждения, а приобретает все свойства процессуального решения с момента его вынесения,

что следует учитывать при установлении юридического окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ.

Специальными субъектами (исполнителями) преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, являются только те должностные лица, которые обладают процессуальными полномочиями по вынесению (составлению) постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного постановления. Помимо следователя и дознавателя к таковым необходимо также отнести: руководителя следственного органа и начальника подразделения дознания, так как в соответствии с ч. 2 ст. 39, ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ они вправе произвести предварительное следствие (дознание) в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя или дознавателя; начальника органа дознания, который непосредственно участвует в принятии процессуального решения о признании лица обвиняемым, утверждая обвинительный акт и обвинительное постановление (п. 10 ч. 1 ст. 40.2, ч. 4 ст. 225, ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ).

Субъективная сторона привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности характеризуется виной в форме прямого умысла, в содержание которого входит заведомая осведомленность субъекта о невиновности потерпевшего (об отсутствии признаков инкриминируемого ему состава преступления). Добросовестное заблуждение субъекта относительно виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности (например, вследствие неверной оценки доказательств, квалификационной ошибки), свидетельствует об отсутствии прямого умысла, а следовательно, исключает наличие состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ.

Поскольку привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности является разновидностью должностного преступления, квалифицирующий признак «иные тяжкие последствия» (ч. 2 ст. 299 УК РФ) следует трактовать с учетом п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». В частности, к иным тяжким последствиям можно отнести смерть потерпевшего, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего. Общим знаменателем иных тяжких последствий в контексте ч. 2 ст. 299 УК РФ является сфера личных прав потерпевшего, выступающих в качестве дополнительного непо-

средственного объекта привлечения невиновного к уголовной ответственности.

В параграфе 2.3. **«Общие нормы об ответственности за должностные преступления и их применение для квалификации заведомо незаконного уголовного преследования»** отмечается, что общие нормы об ответственности за умышленные должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ) способны охватить все проявления заведомо незаконного уголовного преследования. Осуществляя заведомо незаконное уголовное преследование, сотрудник органа предварительного расследования или прокурор: посягает на интересы государственной службы и нормальную деятельность государственных органов, т.е. «деформирует» основной непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ; использует свои служебные полномочия вопреки интересам службы и одновременно совершает действия, явно выходящие за пределы его полномочий; причиняет указанное в диспозициях ст. 285 и 286 УК РФ последствие (существенное нарушение прав и законных интересов граждан). Таким образом, заведомо незаконное уголовное преследование содержит все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 285 или 286 УК РФ.

Разрешая конкуренцию ст. 285 и 286 УК РФ, возникающую при квалификации заведомо незаконного уголовного преследования, нужно учитывать, что ст. 285 УК РФ в отличие от ст. 286 УК РФ содержит указание на мотив корыстной или иной личной заинтересованности. Следовательно, если заведомо незаконное уголовное преследование совершено с указанным мотивом, возникает конкуренция уголовно-правовых норм, соотносящихся как часть и целое. В этом случае приоритетом обладает норма-целое, т.е. ст. 285 УК РФ, которая полностью охватывает признаки совершенного деяния (включая мотив). Если же мотив корыстной или иной личной заинтересованности отсутствует (не установлен), то состав злоупотребления должностными полномочиями отсутствует, в связи с чем заведомо незаконное уголовное преследование необходимо расценивать как превышение должностных полномочий.

Сфера применения ст. 285 и 286 УК РФ ограничена лишь теми проявлениями заведомо незаконного уголовного преследования, которые не предусмотрены ст. 299 УК РФ. К ним, в частности, относятся: заведомо незаконное возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица при отсутствии

признаков состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 299 УК РФ; заведомо незаконное уведомление о подозрении в совершении преступления; заведомо незаконное привлечение к уголовной ответственности (т.е. вынесение процессуального акта, в котором сформулировано обвинение) лица, подлежащего обязательному освобождению от уголовной ответственности; утверждение прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) в отношении заведомо невиновного лица либо лица, подлежащего обязательному освобождению от уголовной ответственности, и направление уголовного дела в суд; поддержание государственного обвинения при наличии императивных оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования (например, при заведомом отсутствии состава преступления в действиях подсудимого). Таким образом, в плане уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию общие нормы об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ) имеют намного более широкую сферу применения, чем специальные нормы, сформулированные в ст. 299 УК РФ.

С учетом фрагментарной специализации и технико-юридической дефектности предписаний ст. 299 УК РФ общие нормы, содержащиеся в ст. 285 и 286 УК РФ, по идее, должны являться основным уголовно-правовым инструментом противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию. Однако на практике ст. 285 и 286 УК РФ в отношении должностных лиц, осуществлявших заведомо незаконное уголовное преследование, практически не применяются. Среди правоприменителей сформировалось довольно устойчивое мнение, что заведомо незаконное уголовное преследование может быть квалифицировано как преступление лишь на основании специальных норм главы 31 УК РФ. Уголовно-правовая оценка незаконного уголовного преследования в большинстве случаев осуществляется через призму ст. 299 УК РФ; при этом правоприменители «забывают» об общих нормах, предусматривающих ответственность за злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий. Подобная практика противоречит устоявшимся правилам квалификации преступлений и существенно снижает эффективность уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию.

Третья глава **«Проблемы совершенствования уголовно-правового**

противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию» состоит из двух параграфов.

В параграфе 3.1. **«Совершенствование практики уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию»** отмечается, что фундаментальные причины низкой эффективности уголовно-правовых средств противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию находятся в правоприменительной плоскости. А потому в качестве приоритетного направления их совершенствования следует рассматривать оптимизацию практики применения общих (ст. 285 и 286 УК РФ) и специальных (ст. 299 УК РФ) норм, выступающих в качестве юридической основы уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию.

Чтобы активизировать применение ст. 285 и 286 УК РФ к должностным лицам органов предварительного расследования и прокуратуры, виновным в заведомо незаконном уголовном преследовании, предлагается регламентировать на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации правила квалификации заведомо незаконного уголовного преследования по общим и специальным уголовно-правовым нормам. В частности, в постановлении Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48 целесообразно: сформулировать определение заведомо незаконного уголовного преследования, перечислив его проявления, что позволит снять неопределенность этого понятия; обратить внимание судов (а значит, и иных правоприменителей) на то, что при выявлении в досудебных или судебных стадиях уголовного процесса фактов заведомо незаконного уголовного преследования действия должностных лиц органов предварительного расследования и прокуратуры, принявших соответствующие незаконные процессуальные решения, подлежат юридической оценке на предмет наличия признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 285, 286 и 299 УК РФ; подчеркнуть, что любые проявления заведомо незаконного уголовного преследования влекут указанные в ст. 285 и 286 УК РФ последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства; разъяснить, что те проявления заведомо незаконного уголовного преследования, которые не охватываются специальными нормами (ст. 299 УК РФ), могут быть квалифицированы на основании общих норм об ответственности за должностные преступ-

ления. Корреспондирующие изменения целесообразно внести и в постановление Пленума от 16 октября 2009 г. № 19, включив в примерный перечень действий, образующих объективную сторону злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, те проявления заведомо незаконного уголовного преследования, которые не охватываются ст. 299 УК РФ.

Практика применения уголовно-правовых норм, образующих юридическую основу уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию, имеет значительный потенциал для совершенствования. Она может быть активизирована за счет применения института соучастия в преступлении, что позволит привлекать к уголовной ответственности по ст. 285, 286, 299 УК РФ всех лиц, причастных к заведомо незаконному уголовному преследованию, и, тем самым, реализовать требования принципов полноты квалификации преступлений и неотвратимости уголовной ответственности.

Практика применения исследуемых уголовно-правовых норм может быть оптимизирована посредством реализации организационно-управленческих мер. В частности, предлагается:

- включить в приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» и от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» предписания о том, что в случае выявления признаков заведомо незаконного уголовного преследования прокуроры обязаны направлять материалы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 299, 285 или 286 УК РФ;

- наделить прокурора правом возбуждать уголовные дела о преступлениях, совершенных должностными лицами органов предварительного расследования и иными «спецсубъектами». В ситуации, когда уголовные дела о преступлениях, совершенных следователями Следственного комитета Российской Федерации, возбуждаются и расследуются этим же органом предварительного расследования, всерьез рассчитывать на неотвратимость уголовной ответственности не стоит;

- обязать суд выносить частное определение или постановление на основании ч. 4 ст. 29 УПК РФ во всех случаях выявления признаков заведомо неза-

конного уголовного преследования.

В параграфе 3.2. **«Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за заведомо незаконное уголовное преследование»** отмечается, что теоретически уголовно-правовое противодействие заведомо незаконному уголовному преследованию может осуществляться и без специальных норм, поскольку ст. 285 и 286 УК РФ способны беспробельно «перекрыть» любые проявления заведомо незаконного уголовного преследования. Однако такой вариант уголовно-правового регулирования следует признать бесперспективным, поскольку он имеет множество серьезных недостатков. Хотя в существующем виде содержание и технико-юридическое оформление ст. 299 УК РФ не выдерживает критики, сама по себе практика конструирования специальных норм, предусматривающих ответственность за заведомо незаконное уголовное преследование, является полностью оправданной.

Для эффективного уголовно-правового противодействия заведомо незаконному уголовному преследованию необходимо сочетание общих и специальной норм, их согласованная система. Причем баланс в этой системе должен быть смещен в сторону специальной нормы, посредством которой необходимо максимально полно охватить все проявления заведомо незаконного уголовного преследования. Что же касается общих уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, то они должны выполнять функции «запасных» норм – срабатывать при совершении общественно опасных деяний, которые по тем или иным причинам остались не охваченными соответствующей специальной нормой. Подобная законодательная регламентация позволит воспользоваться всеми преимуществами специальных норм, обеспечив при этом за счет общих норм беспробельное уголовно-правовое регулирование.

С учетом научно обоснованных правил законодательной техники в сфере уголовного нормотворчества сформулированы следующие предложения по конструированию специальной нормы об ответственности за заведомо незаконное уголовное преследование:

– соответствующую норму предлагается создать на базе существующей ст. 299 УК РФ, расширив сферу ее действия таким образом, чтобы предусмотреть в ней ответственность за все проявления заведомо незаконного уголовного преследования, в том числе и те, которые в настоящее время находятся в сфере

применения общих норм об ответственности за должностные преступления;

– чтобы обеспечить требуемый уровень правовой определенности уголовно-правового запрета и наполнить признаки состава преступления конкретным содержанием, предлагается сконструировать в ч. 1 ст. 299 УК РФ описательную диспозицию с бланкетными признаками, включив в нее перечень конкретных проявлений заведомо незаконного преследования и уточнив признак «незаконности» уголовного преследования;

– с учетом характера и степени общественной опасности заведомо незаконного уголовного преследования предлагается: состав соответствующего преступления сконструировать по типу формального; не включать в систему обязательных признаков состава мотивы и цели преступления. Заведомо незаконное уголовное преследование требует уголовно-правового реагирования без установления дополнительных криминообразующих признаков в виде последствий и вне зависимости от целеполагания и мотивации виновного.

Санкции за заведомо незаконное уголовное преследование должны быть более строгими, чем санкции общих норм об ответственности за умышленные должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ), поскольку заведомо незаконное уголовное преследование – это, пожалуй, наиболее опасная разновидность должностных преступлений. Это обстоятельство подтверждается судебной практикой, которая расценивает незаконное уголовное преследование как тяжкое последствие превышения должностных полномочий. Поэтому в качестве отправной точки для пенализации заведомо незаконного уголовного преследования должна стать санкция ч. 3 ст. 286 УК РФ. При этом:

– пределы уголовно-правовой санкции за заведомо незаконное уголовное преследование должны быть довольно широкими, так как проектируемая норма должна охватывать весьма обширную сферу альтернативных деяний – начиная от заведомо незаконного возбуждения уголовного дела и заканчивая поддержанием государственного обвинения в отношении заведомо невиновного лица;

– в отличие от санкции ч. 3 ст. 286 УК РФ, которая предусматривает дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, санкцию проектируемой нормы не имеет смысла делать кумулятивной. Осуждение сотрудника органа предварительного расследования или прокуратуры за заведомо незаконное уго-

ловное преследование автоматически исключает возможность для него занимать должности в правоохранительной системе.

Заведомо незаконное уголовное преследование за тяжкое или особо тяжкое преступление отличается существенно бóльшей общественной опасностью в сравнении с незаконным преследованием за иные преступления. Степень общественной опасности возрастает за счет увеличения вероятности и интенсивности применения мер уголовно-процессуального принуждения к потерпевшему, возрастания рисков его незаконного осуждения к лишению свободы. Это дает все необходимые основания для дифференциации уголовной ответственности посредством конструирования соответствующего квалифицирующего признака с более строгой санкцией.

Обобщение вышеизложенных соображений позволяет предложить для теоретического обсуждения и последующей законодательной реализации доктринальный проект уголовно-правовой нормы об ответственности за заведомо незаконное преследование.

«Статья 299. Заведомо незаконное уголовное преследование»

1. Заведомо незаконное уголовное преследование, то есть возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, уведомление о подозрении в совершении преступления, вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, вынесение или утверждение обвинительного акта или обвинительного постановления, утверждение обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и направление уголовного дела в суд, поддержание государственного обвинения, если эти процессуальные действия совершены при заведомом наличии оснований для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, а равно обязательных оснований для прекращения уголовного преследования, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

2. Заведомо незаконное уголовное преследование за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, –

наказывается лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет».

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования, сформулированы его основные положения и выводы.

**Основные положения диссертационного
исследования опубликованы в следующих работах:**

Статьи в рецензируемых изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России:

1. Симоненко, А.А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ): правовая неопределенность состава и ее преодоление [Текст] / А.А. Симоненко // Общество и право. – 2016. – № 4. – С. 46–51. – 0,6 п.л.

2. Симоненко, А.А. Современная уголовная политика в сфере противодействия незаконному уголовному преследованию: критический анализ [Текст] / А.А. Симоненко // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 187–191. – 0,6 п.л.

3. Симоненко, А.А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, совершенное в соучастии: проблемы квалификации [Текст] / А.А. Симоненко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 5. – С. 111–118. – 0,7 п.л.

4. Симоненко, А.А. Уголовно-правовая норма об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ): оценка новеллы [Текст] / А.А. Симоненко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 26–30. – 0,5 п.л.

5. Симоненко, А.А. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному уголовному преследованию: оценка эффективности [Текст] / А.А. Симоненко // Lex russica (Русский закон). – 2018. – № 12. – С. 101–108. – 0,8 п.л.

6. Симоненко, А.А. Общие нормы об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ) и их применение для квалификации заведомо незаконного уголовного преследования [Текст] / А.А. Симоненко // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 2. – С. 73–78. – 0,6 п.л.

Статьи в иных изданиях:

7. Симоненко, А.А. Объективная сторона привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 299 УК РФ): проблемы толкования [Текст] / А.А. Симоненко // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов Четвертой Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Бриллиантова. – М.: РГУП, 2017. – С. 214–224. – 0,6 п.л.

8. Симоненко, А.А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности: проблемы совершенствования ст. 299 УК РФ [Текст] / А.А. Симоненко // Уголовная ответственность и наказание: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова (г. Рязань, 17 февраля 2017 г.) / под ред. В.Ф. Лапшина. – Рязань: Академия ФСИН России, 2017. – С. 144–148. – 0,3 п.л.

9. Симоненко, А.А. Противодействие незаконному уголовному преследованию: уголовно-политические аспекты [Текст] / А.А. Симоненко // Проблемы обеспечения законности и практика прокурорского надзора: сб. материалов

круглого стола аспирантов и молодых ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, 22 марта 2017 г.) / [под ред. А.Ю. Винокурова]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017. – С. 101–112. – 0,6 п.л.

10. Симоненко, А.А. Уголовная политика в сфере противодействия незаконному уголовному преследованию: основные направления совершенствования [Текст] / А.А. Симоненко // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сб. материалов IX науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Москва, 26 мая 2017 г.) / под ред. А.Ю. Винокурова и др.; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017. – 167–173. – 0,5 п.л.

11. Симоненко, А.А. Уголовное преследование заведомо невиновного лица: спорные вопросы квалификации [Текст] / А.А. Симоненко // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (23 июня 2017 г.): в 2 т. / под общ. ред. С.А. Буткевича. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – Т. II. – С. 41–45. – 0,25 п.л.

12. Симоненко, А.А. Незаконное уголовное преследование: понятие и основные проявления [Текст] / А.А. Симоненко // Проблемы обеспечения законности и практика прокурорского надзора: сб. материалов круглого стола аспирантов и молодых ученых Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, 30 марта 2018 г.) / под ред. А.Ю. Винокурова; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2018. – С. 107–115. – 0,4 п.л.